

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА» В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

***Аннотация.** В статье автор доказывает, что понятие «железный занавес», сформулированное в 1946 году У. Черчиллем, следует рассматривать как важную теоретическую основу русской политической мысли. Если в узком смысле она соотносится с идеологическим противоборством между СССР и либеральным Западом, сложившимся в ходе «холодной войны», то в широком смысле идея неприятия Запада и обособления от него восходит к эпохе Киевской Руси и церковному расколу 1054 года.*

***Ключевые слова:** «железный занавес», Запад, православие, русская политическая традиция.*

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE THEORY OF THE “IRON CURTAIN” IN RUSSIAN POLITICAL TRADITION

***Abstract.** In the article the author proves that the concept of “iron curtain”, formulated in 1946 by W. Churchill, should be considered as an important theoretical basis of Russian political thought. If in a narrow sense it correlates with the ideological confrontation between the Soviet Union and the liberal West, formed during the “cold war”, in a broad sense, the idea of rejection of the West and separation from it dates back to the era of Kievan Rus and the Church split in 1054.*

***Keywords:** “Iron Curtain”, West, orthodoxy, Russian political tradition.*

Когда речь заходит о «железном занавесе», то, как правило, вспоминают выступление У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года. В тот день лидер английских консерваторов, взявший на себя роль наставника «новичка» Г. Трумэна (президента США), сделал твердый шаг от стратегии сдерживания СССР, выдвинутой американским дипломатом, политологом и историком, послом США в СССР с 14 мая по 19 сентября 1952 года

Дж. Кеннаном 22 февраля 1946 года, к решительным действиям против Советского Союза. Пугая американцев агрессивными устремлениями Москвы, навязавшей странам Центральной Европы свою политическую волю и таким образом опустившей «железный занавес» от Балтики до Адриатики, У. Черчилль призвал Запад встать на защиту «христианской цивилизации». Способ защиты он мыслил в виде «крестового похода» объединенных сил североатлантических демократий на Восток и установления англо-американского господства над миром.

Данное выступление, дополненное «доктриной Трумэна», «планом Маршалла» и Директивой Даллеса 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 года, можно считать теоретической основой развернувшегося после победы над странами «оси» второго этапа «холодной войны». Он был продолжением начатого еще в эпоху Штауфенов¹ «Drang nach Osten» (натиска на Восток), лишаящего нас права на свободное от диктата Запада социально-политическое развитие в качестве великой державы. Причем, опуская «железный занавес», Советский Союз предохранял не только себя, но и всю славяно-православную цивилизацию от разрушающего влияния чуждого ей сообщества, стремящегося любыми средствами превратить «восточные территории» в свой придаток, путем подавления «мощных течений русского национализма»².

Подобное тысячелетнее противостояние Западу на уровне государственных интересов, сломленное реформами М. С. Горбачева, позволяет рассматривать историю «железного занавеса» в узком и широком смысле. Первый смысл связан исключительно с эпохой «холодной войны», начавшейся сразу после окончания Гражданской войны в России, но доктринально оформленной только в 1946–1948 годах. Второй включает в себя всю долгую историю защиты нашей страны от посягательств Запада. Ее истоки своими корнями уходят в то время, когда Рюриковичи в осмыслении ценностно-целевых установок христианства приняли сторону не «ветхого», а нового Рима, сделав Русь с середины XV века его духовным и политическим продолжением — «озаренною светом Россией»³. Поэтому, игнорируя историю становления теории «железного занавеса» в русской политической мысли, создавшей концептуальные основы неприятия романо-германской цивилизации как носителя зла, нельзя понять сущность

¹ Гогенштауфены или Штауфены (нем. Hohenstaufen или Staufen) — династия южно-германских королей и императоров Священной Римской империи (1138–1254).

² Из телеграммы поверенного в делах США в Москве Дж. Кеннана в Государственный департамент США от 22 февраля 1946 г. / Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 5. — М.: Мысль, 1997. С. 393. *Примечание Редакции:* Речь идет о так называемой длинной телеграмме № 511 посольства США в Москве, отправленной Джорджем Ф. Кеннаном в Вашингтон 22 февраля 1946 года, в которой он обрисовал невозможность сотрудничества с СССР.

³ Повесть о новгородском белом клобуке / Памятники литературы Древней Руси. Вып. VII. — М.: Художественная литература, 1985. С. 225.

отечественного консерватизма и его полное расхождение с декларативным консерватизмом действующей российской власти.

* * *

Начало противостояния Западу, как и желание отгородиться от него, надо отнести ко времени крещения Руси в 988 году. Именно тогда был сделан главный поворот к разрыву с молодым романо-германским культурно-политическим полем, так как в ходе «испытания вер» основная часть варяжской элиты, владевшая Киевом, склонилась в пользу Нового Рима. Когда Владимир решал вопрос о том, к какому из двух направлений христианства примкнуть (тема неприятия ислама и иудаизма стоит особого разговора), Византия переживала второй пик своего расцвета. Ее конкурентом выступала только Священная Римская империя, возглавлявшая в тот период обширное сообщество из стран, ориентированных на престол Святого Петра и охватывавших территорию от Скандинавии до Италии и от Ирландии до Венгрии. В то же время независимый православный мир, если не считать пришедшего в упадок Западно-Болгарского царства и нескольких мелких княжеств Грузии, съезжился до размеров Византии. Поэтому с точки зрения геополитической выгоды Киевская Русь должна была отдать предпочтение западному христианству.

Но Владимир подчиняет страну духовной власти вселенского патриарха. Произведенное по инициативе князя сравнение божественной силы религий показало нравственную слабость западного христианства. Римские первосвященники, поправ принцип соборности как один из символов веры, подобно пророку Мухаммеду узурпировали всю полноту высшей светской и духовной власти в своих руках, сославшись на подложный «Константинов дар»: созданный под их диктовку, он давал папам «власть и почет, равные императорским... и главенство над всеми христианскими церквами»⁴.

Кроме того, престол Святого Петра, стремясь увеличить число своих «церковных чад», стал подстраиваться под стереотипы и ценности язычников, спровоцировав на Западе движение к доминированию материальных благ над духовными. С VIII века в варварских королевствах на месте подлинного христианства стала утверждаться его далекая от аскетизма декларативная противоположность. Как писал митрополит Иоанн (Снычев), бог Запада стал «совершенно иной, — это князь мира сего, бог наживы и беспредельного эгоизма, бог тщеславия и корысти». Неслучайно католик стал «понимать спасение как воздаяние за добрые дела... Спасение «зарабатывается» им путем добродетельного труда и тем самым

⁴ Лозинский С. Г. История папства. — М.: Правда, 1986. С. 57.

выкупается собственный грех. В православии же спасение осмыслялось как внутреннее перерождение человека, его преобразование духовное»⁵.

Православный мир старался «пусть не всегда удачно, приблизить свое делание к церкви, поднять все до ее уровня, уйти в нее, а не отделиться, эмансипироваться и снизить все возвышенное до потребностей обывателя»⁶. На шит ценностно-целевых приоритетов Византия подняла классическую формулу человеческого бытия: «Если не спасешься сам, то не спасет и Бог», сочетавшуюся с другим постулатом: «Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы».

Поэтому принимать сторону внешне успешного, но уходившего от высокой духовности Запада, Владимир не стал. Он понял, что путь сближения с романо-германским миром, возможно, приведет Русь к материальному обогащению, позволит расширить границы и укрепит ее международное положение, но не поможет людям спасти души. Понимание правильности сделанного князем Владимиром выбора породило в русской политической мысли понятие «Святой Руси» и взгляд на Запад как на «немой» мир (мир немцев), не понимающих и не слышащих язык Бога.

Отпор идеологическому и военному натиску Запада стал частью государственной доктрины Руси, рассматривающей Византию в качестве союзной державы. Во-первых, земли восточных славян после крещения вошли в константинопольский патриархат; во-вторых, императорский дом Византии породнился с домом Рюриковичей, а будущие святые князья Борис и Глеб были детьми византийской принцессы Анны⁷. В-третьих, на Руси начали смотреть на борьбу с Западной агрессией как на священную войну, ведущуюся ради сохранения истинного христианства.

Ориентируясь на Византию как на образец христианского государства, Владимир стал перестраивать всю социально-политическую систему Руси. Нормативные документы, разработанные в странах Запада, оказались отвергнуты, как не отвечающие запросам высокой морали. Взамен на основе византийского права появился «Устав». В нем была изложена политическая воля Владимира Святого по переустройству Руси в духе православных требований. Эта воля выражалась в согласии князя с принципом «симфонии двух властей», принятой на V Вселенском Соборе в 553 году и закрепленной во II и III Титулах «Эпанагоги». Этим было пресечено на Руси движение власти в сторону неограниченной монархии, тогда как Запад уже «заразился» подобной болезнью, идя от абсолютизации власти римских пап к абсолютизации власти светских правителей. Неслучайно в «Уставе» подчеркивалось, что князь принял «святое крещение от грецкого царя и от Фотия патриарха», составив сей документ

⁵ Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. 1. — М.: Христианская литература, 1996. С. 5.

⁶ Керн К. (архидиакон). Антропология св. Григория Паламы. — М.: Паломник, 1996. С. 21.

⁷ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I. — М.: Мысль, 1988. С. 195.

«с княгиней Анною», по «первым царей уряжению и по вселенских семи святых зборов великих святитель»⁸.

Идеологическая установка князя сразу стала сказываться и на внешней политике Киевской Руси, нацеленной на дружбу в первую очередь с православным миром. Используя династические связи, Владимир породнился не только с царями болгар и византийским императорским домом, но и с князьями Польши и Чехии. Владения их входили в состав православной Моравской епископии, которую русский князь надеялся спасти от полного растворения в латинской церкви. Он же стал первым правителем, решившим отгородить русский народ от влияния романо-германской цивилизации. Владимир сократил контакты со странами Западной Европы и даже был вынужден вступить с ними в военное противоборство, в котором Запад в качестве ударной силы решил использовать Чехию и Польшу.

Смерть князя Владимира в 1015 году показала, что на Руси помимо восточной (православной) ориентации во властных кругах сильные позиции занимают сторонники сближения с Западом. Святополк, сев на княжеский стол, снова сошелся с западными христианами Польши и Венгрии. Тот же путь избрал Ярослав Мудрый, но он больше тяготел к союзу со Священной Римской империей и странами Скандинавии, которые были меньше подвержены греко-византийскому влиянию, чем Италия. Никто из них не ориентировался на дружбу с Византией.

Можно предположить, что подготовка похода Владимира на Ярослава в 1015 году была продиктована в первую очередь религиозно-политическими расхождениями отца и сына. Иначе как объяснить отказ Ярослава платить дань Киеву, последовавший вскоре после нападения западных христиан на Русь? Более того, Ярослав, из-за моря «приведе Варягы»⁹, поставил отца под двойной удар. И если Владимир в этой тяжелейшей ситуации решил дать отпор Ярославу, значит, он считал его наиболее опасным врагом православию.

После внезапной смерти Владимира Святого, еще полного сил, оппозицию Святополку и Ярославу составили Борис и Глеб. В этой борьбе, как известно, верх одержал Ярослав, но единоличным правителем он сделался только в 1036 году. Прямым следствием его прозападных настроений стали изменения во внешней и внутренней политике. Доказательством тому служат широкие брачные союзы Ярослава с королевскими домами Швеции, Франции, Норвегии, Венгрии, Польши и Германии. Ярослава Мудрого, как и Петра Великого, православные династии не интересовали.

⁸ Устав святого князя Володимира, крестившаго русьскую землю, о церковных судах / Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1984. С. 158–149.

⁹ Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. I. — М.: Язык русской культуры, 1997. Стб. 130.

Прозападный дух государственной доктрины стал основой всех его главных действий. Сначала они проявили себя в войне с Византией. Против нее в 1043 году был направлен Владимир Новгородский, но в 1046 году война закончилась поражением Ярослава и подписанием мирного договора. Его статьи не сохранились. Возможно, Византия, пользуясь победой, постаралась восстановить пошатнувшееся влияние православия на Руси. Неслучайно под покровительство ее двора попал пятый сын Ярослава — Всеволод. Его женили на дочери византийского императора Константина Мономаха. От этого брака в 1053 году родился Владимир Мономах. После долгих колебаний он пойдет за отцом и встанет на сторону государственной доктрины Владимира Святого, окончательно развернув Киевскую Русь в сторону православного востока.

Тем временем, мстя за поражение, Ярослав в 1051 году решил нарушить 28 правило IV Вселенского Собора, давшее патриарху Константинополя право рукополагать митрополитов для «народов, получивших оседлость в Азиатской, Понтийской (к северу от Черного моря) и Фракийской областях»¹⁰. Он самовольно поставил епископа в Новгород и митрополита в Киев. Этим был нанесен первый большой удар по авторитету византийской духовной власти на Руси, а сама духовная власть в первый раз попала в зависимое положение от главы государства. Интересно, что враждебная политика Ярослава в отношении Византии и «греческой церкви» проводилась перед ее окончательным разрывом с престолом святого Петра в 1054 году, за которым последует образование западной (католической) и восточной (православной) церквей. Именно в эти годы норманны, пользуясь поддержкой римского папы, отняли у Византии земли на юге Италии, пока ромеи боролись с Русью и внутренними неурядицами.

О тяготении Ярослава к Западу указывают монеты и печати того времени. Если Владимир на них изображен с бородой и в короне, украшенной подвесками и крестом, как требовал православный этикет, то голову Ярослава венчает конический шлем, а лицо обрамляют одни только усы, похожие на те, которые носил Карл Великий. Кроме того, нормативная составляющая политической доктрины Ярослава Мудрого, также отличалась от той, что была принята Владимиром Святым. Если «Устав» ориентировал власть на ценности православной жизни, утвержденные первыми Вселенскими Соборами, то «Русская Правда» подобной привязки в себе не несла. Она больше походила на вид договора между наемниками-варягами, составлявшими военную опору Ярослава Мудрого, и жителями Руси. Здесь, в отличие от «Устава», бросается в глаза ослабление нравственных начал в регламентации социальных сфер. «Правда» как бы подстраивается под господствующие на севере Руси языческие традиции.

¹⁰ Булгаков М. (митрополит). История Русской Церкви. Кн. II. — М.: Спасо-Преображенский Валаамский м-рь, 1995. С. 111–129.

В противном случае она не относилась бы так мирно к обычаям кровной мести и наличию института рабства¹¹. Это умение опускаться до уровня язычества отличало все «варварские Правды» от византийских законов.

Следовательно, проводя свою политику, Ярослав думал не о сближении, а о разобщении с Византией. Отталкиваясь от ее берега — берега ее духовной и политической культуры, он направлял «русский корабль» к иной пристани. Такой пристанью был для него латинский Запад. В итоге светская власть Киевской Руси так и не смогла избавиться от прозападной ориентации и возвести прочный «железный занавес». Продолжившаяся между сыновьями и внуками Ярослава усобица подпитывалась именно этим обстоятельством. Академик Б. Д. Греков полагал, что «полонофильские тенденции Изяслава и его склонность к католичеству»¹², возможно, сыграли роковую роль в феодальной усобице того времени.

Брат Святослав, следующий по старшинству, оказался столь же слабо связан с православием. Занимая Киевский стол, он более заботился о дружбе с крупными католическими странами, наладив близкие отношения с германским императором Генрихом IV. Тем самым он восстановил против себя не только Византию, но и провизантийски настроенное духовенство Киева, чем и воспользовался Всеволод — отец Владимира Мономаха, перетянув власть на себя. Как писал в середине XIII века безымянный автор «Слова о погибели русской земли», именно «от великого Ярослава» началась «в ты дни болезнь крестияном» на Руси и продолжалась «до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья князя володимерьскаго»¹³. Эта «болезнь» носила духовный характер, выражавшийся в тяготении к падшему Западу. Поэтому она считалась одной из причин Божьего гнева на Русь, излившегося в виде монголо-татарского нашествия.

Между тем, в кругах духовной власти политика Ярослава и его последующих приверженцев не получила должной поддержки. Понимая, что история рода человеческого подходит к концу и надо готовиться к новому пришествию Иисуса Христа и Страшному Суду, «священство» вслед за Владимиром Святым, можно сказать, второй раз произвело выбор веры в пользу восточного, а не западного христианства, воздвигая для защиты Святой Руси новый «железный занавес». Скорее всего, оно исходило из того, что пока есть время, следует очиститься от грехов и отгородиться от тех, кто пытается увести народ от спасения души. При этом православный восток рассматривался русским «священством» как колыбель христианства, а его центром с момента закладки виделся только Константинополь, на

¹¹ Русская Правда / Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1.— М.: Юридическая литература, 1984. Стб. 1, 11, 17.

¹² Греков Б. Д. Киевская Русь.— М.: Учпедгиз, 1949. С. 488, 489.

¹³ Слово о погибели русской земли и по смерти великого князя Ярослава / Памятники литературы Древней Руси. Вып. III.— М.: Художественная литература, 1981. С. 130.

который ходил войной князь Ярослав. Только один Новый Рим, согласно митрополиту Иллариону, может быть и «Новым Иерусалимом»¹⁴.

Эту мысль, высказанную им в середине XI века в защиту Византии как хранительницы подлинной веры, во второй половине столетия подхватила и стала развивать «печерская братия», имевшая самые тесные духовные связи с Афоном. В данной связи уместно вспомнить наставление св. Феодосия Печерского, обращенное к Изяславу. Оно получило характерное название, отвечающее духу идущей идеологической борьбы: «Слово о вере христианской и о латинской». Стараясь быть убедительным в своих доводах, Феодосий старался выстраивать логику текста так, чтобы идея отчуждения Руси от Запада не основывалась на голом формализме неприятия чужого мира только потому, что он другой. Ему хотелось «раскрыть глаза» своему князю на нравственную скудость католичества. Эта слабость заставляет латинян вместо того, чтобы самим расти морально, искать пути и лазейки к подрыву нравственности у нас, то есть сделать духовную ущербность нормой жизни русской власти и русского народа. Говоря современным слогом, политика «открытых дверей» и толерантности, подавляющая ксенофобию как защитную реакцию на зло, выставлялась губительным заблуждением, убивающим духовный рост страны.

На этом строился призыв Феодосия: все, кто в «правoverнее вере рожден... вере латынстей не прилучайтесе, ни обычая их держати,... и всякого ученья их бегати, и норова их гнушатися, ни брататися, ни поклонитися, ни целовати, ни с ними из единого судна ясти, ни пити, ни брашна их приимати». Ведь, согрешая, эти люди «не от Бога просят прощения, но прощают попове их на дару. А попове их не женятся законною женитвою, но с робами дети добывают, ... а наложницы держать и на воину ходят. ... Имя же не нарицают святого, но как прозовуть родители, в то имя крестять. А глаголють Духа Святого исходяща от Отца и от Сына», тогда как православие учит об исхождении Святого Духа только от Бога Отца, единственного творца всего сущего. Из-за чего, рассуждает далее Феодосий, «многа зла дела суть у них, развращенная погибель полна вера их. Его же ни жидове творят, то они творят».

При этом выдвинутая и обоснованная им теория «железного занавеса» не призывала к полной изоляции страны и негативному отношению к иноверцам, в ней проживающим. Добрые деяния православный человек должен распространять и на них: «милостынею милуи не токмо своея веры, но и чужия. Аще ли видиши нага, или голодна, ... аще ли ти будет жидовин, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или ото всех поганых — всякого помилуй и от беды избави». Но если эти люди, пользуясь нашей к ним добротой, начнут отлучать русских людей

¹⁴ Илларион (митрополит). Слово о Законе и Благодати / Памятники литературы Древней Руси. Вып. XII. — М.: Художественная литература, 1994. С. 612.

от православия, надлежит оставить мирное воззрение на них и встать на защиту правой веры. Эта принципиальная позиция должна проявляться и в том случае, когда заезжие на Русь будут говорить, что Бог дал разным народам разные вероучения. Таким лукавым господам следует отвечать так: «Ты кривоверен, мниши Бога двоевера... Писание глаголетъ: Един Бог, едина вера»¹⁵.

Следует отметить, что мнение святого Феодосия было целиком поддержано духовной властью Руси, о чем свидетельствует «Стязание с латиною» митрополита Георгия. Он стал непосредственным свидетелем того, как через идеологическую обработку старших князей Запад старался навязать Руси свою концепцию христианства и свою политическую волю, норовя максимально сломать ее закрытость. Именно отсутствие по вине высшей светской власти идеологического противоядия способствовало распространению папизма в кругах рядовых граждан, а не только знати, «занеже исполнилась и наша земля злая тоя веры». Для ее обличения он раскрыл свыше 70 главных вин западного христианства перед людьми и Богом. Он подчеркивал, что нашествие варваров на западные владения Рима остановило там процесс духовного развития и «по мале времени старии мужи правовернии, иже храняху и дорожаху закон Христов, и святых апостол, и святых отец, отъидоша. По умертвии же тех молоди, неутверждении... впадоша в вины различны многы, отречены от Божественнаго закона и похулены, и тех ради вин в жидовство явлене впадоша».

По мысли Григория, развившаяся на этой почве нравственная скудость западных христиан привела их к отрицанию учения Великого «Василия и Григория Богословца и Златоуста (Иоанна), ни ученья их, имеютъ, высоти ради их, и жестокаго ради труднаго житья их, и добровольнаго». Не узаконили на Западе и правил Никейского Собора, утвержденных 318 святыми отцами «и всех купно семи святых и Вселенских Соборех иже веру утвердиша и вси устави». Тем самым Запад «осквернил храм Божий». Но как писал апостол Павел: «аще кто осквернит храм Божий, осквернит того Бог», сделал свой вывод митрополит. Вот почему движение Руси в сторону сближения с «ветхим» Римом, ломающее «железный занавес», надо понимать как движение назад и уход от подлинной веры. «Понеже Великий Константин от Христа приим царство, и вера Крестьянская нача оттоле более расти и простиратися всюду и преложиша Римское царство ветхаго Рима в Константин град». С ним связана работа и первых Вселенских Соборов, на которых присутствовали представители всего христианского мира. И было на тех Соборах «единство и совокупленье с собою имяху святыя Церкви, то же глаголюще, то же мысляще»¹⁶.

¹⁵ Феодосий Печерский (игумен). Слово о вере христианской и о латинской. Приложение / Булгаков М. (митрополит). Указ. соч. С. 551–552.

¹⁶ Георгий (митрополит). Стязание с латиною. Приложение / Булгаков М. (митрополит). История Русской Церкви. Кн. II. — М.: Спасо-Преображенский Валаамский м-рь, 1995. С. 558, 560.

Между тем, прогрессирующее ослабление Византии, потеря ею Южной Италии и Малой Азии, положившая конец политическому господству православия на Ближнем Востоке, продолжала провоцировать интерес к Западу и у тех князей, которые были связаны с Константинополем узами родства. Катализатором прозападных настроений в Киеве и его окрестностях могла стать многочисленная диаспора католиков, возникшая по берегам Руси при Ярославе Мудром. Сюда для защиты южных рубежей он перевел поляков, затем к ним добавились венгры и другие представители Европы. К XII веку Киев с окрестностями представлял собой «русский Вавилон», где католики занимали далеко не последнее место среди жителей города¹⁷.

Из источников явствует, что даже Владимир Мономах в начале XII века испытывал склонность к «латинству» и был готов сломать с таким трудом возводимый против Запада «железный занавес». Доказательством данных настроений князя служит письмо, написанное ему митрополитом Никифором. «Ты спрашивал нас, благородный княже, — пишет митрополит, — за что отлучены латиняне от святой, соборной и православной Церкви, и вот я... поведаю тебе вины их». Далее Никифор в основу своих рассуждений кладет послание митрополита Георгия, с которым, видимо, Владимир почему-то не ознакомился, хотя писалось оно именно для князей, а Владимир слыл человеком весьма начитанным. Указывая на историю нравственного падения «латинян» и на их основные отступления от правил первых семи Вселенских Соборов, соблюдать которые обязались представители западной и восточной христианской церкви, Никифор умоляет Киевского князя не сомневаться в истинности православной веры, передать текст послания детям и послужить «подпорами для святой Церкви... (и) людям»¹⁸.

Можно предположить, что под влиянием этого письма было составлено знаменитое «Поучение» Мономаха к детям и, наконец, укрепились духовно-политическая связь Руси с Византией. Это упрочило «железный занавес» против Запада при его сыне Юрии Долгоруком и внуке Андрее Боголюбском. Первый, уйдя от сближения с Западом, женился на сестре императора Мануила Комнина. Отдавая должное политической роли духовенства, он повел дело так, что высшие иерархи Византии увидели в нем самого надежного союзника и защитника православия. Второй, взяв в качестве примера политическое устройство Византии, произвел масштабную реформу управления, сделав из северо-восточной Руси главный оплот противодействия Западу.

Теоретический фундамент для модернизации политической системы в пользу усиления монархических принципов власти князь Андрей мог найти в тексте Библии и в деяниях V Вселенского Собора, взятых на вооружение Византией, что помогло ей избежать удельной раздробленно-

¹⁷ Булгаков М. (митрополит). Указ. соч. С. 419.

¹⁸ Там же. С. 216.

сти. «Исход», «Книга Судей» и «Книга Царств» установление монархии трактовали как вынужденную меру, связанную с нравственным несовершенством человека, ведущим его к ослаблению веры в Бога. Ослабление веры, провоцирующее рост произвола знати по отношению к простым людям, заставило ужесточить закон и заменить «Царя Незримого» царем зримым (земным). Для борьбы со злом он наделялся карательными функциями, ограничивающими круг социальных свобод граждан. Причем, такие ограничения считались благом, поскольку подавляли в людях свободу «для греха». Деяния V Вселенского Собора и «Кодекс» императора Юстиниана, утвердив «симфонию двух властей», объявили «величайшими дарами Бога» не только «священство», но и «царство».

Таким образом, опираясь на византийский опыт, Андрей Боголюбский избавил свой удел от подражания Западной политической и религиозно-культурной моде, заложив фундамент успешного строительства православного государства. Во-первых, преодолевая удельно-княжескую раздробленность, он постарался утвердить себя в качестве «самовластца всей Суздальской земли». С этой целью он произвел укрепление центральной вертикали власти, приблизив ее к уровню власти византийского монарха. Во-вторых, сохранив принцип «симфонии двух властей», он главную роль в этом союзе передал высшей светской власти, как это было в Византии. В-третьих, сохранение принципа соборности как важного элемента православного управления выразилось в том, что вечевые институты, подавленные на Западе, были сохранены, но поставлены в зависимость от великого князя, чтобы избежать возможного произвола со стороны масс. В-четвертых, сохранение соборности позволило Андрею утвердить союз между княжеской властью, представителями «простого всенародства» и формирующимся дворянством. Опираясь на этот союз, он приступил к подавлению вотчинной олигархии. В-пятых, Андрей утверждает новую государственную символику. Старые символы, связанные с киевской удельно-княжеской традицией управления, он заменил новыми, отражающими идею сильной централизованной государственной власти, стоящей на страже православия. Вместо иконы Пирогощей, покровительствующей дому князей киевских, Андрей утвердил икону Владимирской Божьей матери, привезенную из Константинополя. Она стала главной покровительницей Владимирской, а затем Московской Руси как «Дома Пресвятой Богородицы». Вместо храма Премудрости Божьей (Софии) был возведен собор Успения Пресвятой Богородицы, ставший главным храмом будущей России, а праздник Успения определен в качестве одного из наиболее значимых праздников.

* * *

Таким образом, реформы Андрея Боголюбского, ставшие ответом на ту кризисную ситуацию, в которую вошла Киевская Русь, послужили

основой для новой успешной модернизации отечественного государства в XIV–XVI веков, сделавшей нашу страну великой суверенной державой и оплотом славяно-православной цивилизации. Вместе с тем, все выше сказанное ставит под сомнение мысль В. О. Ключевского о том, что только после Смутного времени в русской политической мысли сложились два враждебных друг другу направления. Одно тяготело к Западу, а другое продолжало смотреть на православный Восток¹⁹. История становления теории «железного занавеса» позволяет отодвинуть эту дату приблизительно на 600 лет в прошлое.

Список литературы

1. Булгаков М. (митрополит). История Русской Церкви. Кн. II.— М.: Спасо-Преображенский Валаамский м-рь, 1995.— 704 с.
2. Георгий (митрополит). Стязание с латиною. Приложение / Булгаков М. (митрополит). История Русской Церкви. Кн. II.— М.: Спасо-Преображенский Валаамский м-рь, 1995.— 704 с.
3. Греков Б. Д. Киевская Русь.— М.: Учпедгиз, 1949.— 512 с.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. 1.— М.: Христианская литература, 1996.— 736 с.
5. Из телеграммы поверенного в делах США в Москве Дж. Кеннана в Государственный департамент США от 22 февраля 1946 г. / Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 5.— М.: Мысль, 1997.— 768 с.
6. Илларион (митрополит). Слово о Законе и Благодати / Памятники литературы Древней Руси. Вып. XII.— М.: Художественная литература, 1994.— 654 с.
7. Керн К. (архидиакон). Антропология св. Григория Паламы.— М.: Паломник, 1996.— 450 с.
8. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. III.— М.: Мысль, 1988.— 414 с.
9. Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. I.— М.: Язык русской культуры, 1997.— 496 с.
10. Лозинский С. Г. История папства.— М.: Правда, 1986.— 382 с.
11. Повесть о новгородском белом клобуке / Памятники литературы Древней Руси. Вып. VII.— М.: Художественная литература, 1985.— 638 с.
12. Русская Правда / Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1.— М.: Юридическая литература, 1984.— 432 с.

¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. III.— М.: Мысль, 1988. С. 246–247.

13. Слово о погибели русской земли и по смерти великого князя Ярослава / Памятники литературы Древней Руси. Вып. III.— М.: Художественная литература, 1981.— 616 с.
14. Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I.— М.: Мысль, 1988.— 797 с.
15. Устав святого князя Володимира, крестившаго русьскую землю, о церковных судех / Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1.— М.: Юридическая литература, 1984.— 432 с.
16. Феодосий Печерский (игумен). Слово о вере христианской и о латинской. Приложение / Булгаков М. (митрополит). История Русской Церкви. Кн. II.— М.: Спасо-Преображенский Валаамский м-рь, 1995.— 704 с.